

18+

ВАЛЕНТИНА ЗАЙЦЕВА

В МИРЕ БОГОВ
И
ЧУДОВИЩ

Валентина Зайцева

В мире Богов и Чудовищ

<https://litres.ru/72280399>

ISBN 9785006765535

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Дарина скрывает страшную тайну: она — мырзек, существо, способное красть силу Богов. На острове, где небожители правят жестоко, этот дар приравнен к смертному греху. Столкновение с детьми Богов, Отроками, втягивает её в водоворот предательства и борьбы за власть. Преодолевая внутреннюю тьму, из жертвы она превращается в могущественного хищника, готового бросить вызов самим Богам. В книгу включено содержание ранее опубликованных повестей «Пленница бога», «Демоны и Боги», «Призрак».

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	31
Глава 5	38
Глава 6	55
Глава 7	64
Глава 8	71
Глава 9	77
Конец ознакомительного фрагмента.	81

В мире Богов и Чудовищ

Валентина Зайцева

Иллюстрация на обложке <https://assets.grok.com/users/5582ff36-214f-4602-aa8d-25dcd7d5694c/generated/446c409a-6eb7-4829-9c45>

© Валентина Зайцева, 2026

ISBN 978-5-0067-6553-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все права защищены.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена, распространена или передана в любой форме и любыми средствами, включая фотокопирование, запись, сканирование или иные электронные либо механические методы, без предварительного письменного разрешения правообладателя, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Данная книга является произведением художественной литературы. Имена, персонажи, места и события являются плодом воображения автора или используются в вымышленном контексте. Любое сходство с реальными лицами, живы-

ми или умершими, организациями, событиями или местами является случайным и не подразумевается.

Глава 1

Дарина, 23-й год н. э.

Наши создатели не скрывают, зачем нас сотворили. Им нужны были развлечения, веселье, утехы. Для них это забава, для нас, обычных людей, — мучительная пытка. Но мы поклоняемся им, потому что альтернатива куда хуже. Они — наши боги, наши демоны, наши хозяева. В их холодных, отстранённых сердцах мы никогда не будем равными. Всё, что нам остаётся в этой жалкой жизни, — выбрать бога, которому мы будем поклоняться издалека, и молиться, чтобы никогда не встретиться с нашими создателями. Ибо нет участи страшнее, чем привлечь взгляд бога.

Если это случится, твоя история не закончится счастливо. Поэтому в нашем мире мы прячемся от тех, кому поклоняемся. Наше поклонение — это страх. В мире идиолов света и тьмы мы, смертные, лишь пытаемся выжить.

Мало кто знал мою тайну, но она уже стоила жизни близкому мне человеку. Кажется, что одна жизнь — это немного, но как измерить ценность жизни матери?

Иногда, стоя на узкой тропинке к нашей старой, пропитанной солёным морским воздухом избе, я смотрела на причал и вновь переживала тот момент. Сегодня не было исключением. Я смотрела на скрипучий причал и заново ощущала худший миг своей жизни. Мама, раненная прямо передо

мною, стала живым щитом, призванным защитить меня — её проклятие. С её последним вздохом я стала обузой для старшего брата.

Я перевела взгляд на рынок в самом сердце нашего маленького городка на острове Малая Муксалма, что в архипелаге Соловецких островов. Я ненавидела первую субботу месяца. В этот день деревня становилась многолюдной, а в разгар весны это было последнее, чего хотелось. Из моего укромного уголка в тени всё выглядело не так уж плохо, но вонь потных тел после утренней работы могла свернуть молоко. Воздух дрожал от жары и влажности, и даже лужи после вчерашней грозы, горячие, переливались радужными полосами масла и жира. Где-то там, в толпе, был мой брат Владимир. Смотрел ли он когда-нибудь на причал, как я, и вспоминал ли тот жестокий взмах меча, унёсший жизнь нашей матери? Или её образ уже растворился в смутной массе морских путешественников и торговцев?

Каждый год сотни торговцев посещали нашу бухту. На Малой Муксалме добывалась самая крупная рыба. Но в тот день, когда погибла мама, причал был полон моряков, торговцев и пиратов, и они унесли с острова не только морепродукты. Пятнадцать лет лишь усилили печаль и горе. Я должна была что-то чувствовать. Должна была всё ещё оплакивать её. Но, несмотря на это, я не могла. Поэтому я притворялась. Всю жизнь я притворяюсь: что я не чудовище, что мой брат не боится меня, что я не позволила своей племян-

нице плавать одной в море на её седьмой день рождения, не беспокоясь, увижу ли я её снова. Я притворялась, что мне не всё равно, потому что должна была. Потому что меня должно было волновать.

Но как бы я ни боролась, я не могла чувствовать себя нормальным человеком. Тьма внутри меня жила так долго, что я стала называть её... собой... Чудовищем.

Чудовище было похоже на меня. У него были такие же каштановые волосы и глаза — фиолетовые, острые, словно расколотый александрит. Но чудовище было пустым и жестоким. Чем сильнее становилась скука, тем яростнее оно рвалось наружу, чтобы поиграть. А скука на этом острове была неизбежна.

Жизнь на Малой Муксалме не давала ничего, кроме удалённости от богов. Я должна была быть за это благодарна — так говорила мама. Нет большего дара, чем жить вдали от света наших богов. Из немногих воспоминаний о ней это было самым ярким. Я прокручивала его в голове каждую ночь, ловя себя на мечтах о чём-то большем, чем домашние дела и работа.

Я напоминала себе об этом, подметая дорожку к нашей скрипучей избе. Мой взгляд должен был быть прикован к работе, но я смотрела на мерцающий горизонт за морем. Затем подняла глаза к темнеющему небу и вдохнула влажный воздух надвигающегося шторма. Ветры сменились с юга, предвещающая долгое жаркое лето, которое пронесётся над остро-

вом, как горящий фитиль. И новые штормы.

Я снова посмотрела на горизонт. Если приглядеться, сразу после рассвета можно было заметить слабый силуэт соседнего острова, танцующий над водой. Но рассвет давно миновал, и теперь я видела лишь тонкие розовые и красные оттенки заката. Тот остров мало отличался от нашего. И всё же я иногда гадала, какая там жизнь — рядом с богами. Оцепенев, я посмотрела на свои бледные руки, сжимавшие треснувшую метлу. *Не думай об этом.*

«Чем дальше от богов, тем лучше», — твердила я себе. Возможно, однажды я перестану бояться себя и поверю в себя. Ведь я действительно себя боялась. Моя тайна, которую я должна была скрывать.

— Дарина! — знакомый скрипучий голос вырвал меня из раздумий. Мои плечи напряглись, пальцы крепче сжали метлу. На костяшках проступили белые пятна.

— Дарина, ты где?! — снова крикнула она так громко, что чёрная ворона, сидевшая на заборе у избы, вспорхнула и полетела к причалу. Я смотрела, как она улетает, мечтая улететь вместе с ней. Сбежать от многого, но сейчас — от неё, от невыносимой жены моего брата.

Вздыхнув, я уронила метлу и протиснулась в избу. Несмотря на дневную жару, внутри всегда было холодно, а морская влага пропитывала стены.

— Что тебе нужно, Купава? — рявкнула я, захлопнув дверь ногой.

Мой раздражённый взгляд упал на Купаву, стоявшую на коленях у уменьшающейся кучи дров. Её седеющие волосы были небрежно собраны в тяжёлый пучок, который сползал на круглое лицо. Жена моего брата не была красавицей, но дело было не в этом. Проблем с ней у меня хватало. Купава окинула меня взглядом с ног до головы, с явной насмешкой, и хлопнула мясистой рукой по корзине для дров.

— Ты сегодня не набрала дров? — язвительно спросила она.

Я скрестила ноющие руки на груди.

— Очевидно, Купава, нет, — ответила я, сдерживая несколько недобрых слов. Мы с ней и Владимиром договорились, что в присутствии их сына будем держать себя в руках и не подавать плохой пример.

В прошлый раз, когда мы с Купавой поссорились, дело дошло до рукоприкладства. Если нам приходится жить вместе, нужно находить способы терпеть друг друга.

— Ну, не знаю, что подумает твой брат, — бросила она.

Властимир, мой храбрый и добрый племянник, посапывал на полатах у печи. Только из-за этого в ядовитом тоне Купавы сквозило лишь лёгкое презрение.

— Мой брат, вероятно, спросит, почему боги послали ему такую жену, — с сарказмом ответила я, пожав усталыми плечами. — Ты весь день ничего не делаешь и не собираешься делать ночью. Все на этом острове прекрасно совмещают работу и домашние дела. Почему ты не можешь?

Именно это больше всего раздражало в Купаве. Она считала, что имеет право ничего не делать, хотя причин для этого не было. Она не родилась в богатой семье и не была предназначена для великих дел. Боги, мы жили на самом маленьком острове архипелага! И всё же она цеплялась за свою мнимую значимость.

— Быть молодой матерью непросто, Дарина, — отрезала Купава, оттолкнувшись от половиц. Её тонкие, потрескавшиеся губы скривились в уродливой гримасе. — Это самая тяжёлая работа. У меня не всегда есть время на поручения, так что тебе придётся их выполнять.

Возможно, она была права. За Властимиром было непросто уследить — любопытный и активный малыш. Но я не была ни матерью, ни женой, а выполняла и то, и другое, и даже больше. И всё же она опять повторяла эту фразу — «молодая мама»...

— Властимиру четыре года, он не младенец, — огрызнулась я, сжимая кулаки. — Я и так делаю большую часть твоих домашних дел, присматриваю за твоим ребёнком и работаю. Всё, что от тебя требуется, — сходить на рынок за дровами и едой. Никто не просит тебя рубить дерево, Купава.

— Работа! — она издала хриплый звук, похожий на треск коры в мороз. — Певица — это не работа, Дарина. Это грязное увлечение, которое гарантирует, что ты никогда не выйдешь замуж на этом проклятом острове.

Может, поэтому она меня и ненавидела? Не столько меня,

сколько мою работу. Но мне не было стыдно. Несколько вечеров в неделю я пела в постоялом дворе или на редких полуночных гуляньях. Увидев, как ухмылка Купавы сменилась чем-то более мрачным, я убедилась: она ненавидела меня за мою работу.

Я пожала плечами.

— Не все мечтают о замужестве, — сказала я и повернулась к ней спиной.

Но, собираясь выйти, я замерла от слова, которое она проворботала:

— Мырзек.

Я стояла, глядя на щели в двери. В горле застрял ком, я задыхалась от ярости и боли. Она назвала меня мерзостью. Слово, которое никто из нас не должен был произносить на языке богов. Купава рисковала моей жизнью, сказав это. Она могла раскрыть мою тайну — ту, ради которой умерла моя мама, защищая меня. Купава словно плюнула ей на могилу.

Я медленно обернулась, посмотрев на неё через плечо. Моя ярость отразилась на каменном лице.

— Если ты ещё раз произнесёшь это слово, я отрежу тебе язык во сне и скормлю его свиньям, — прошипела я.

Лицо Купавы побелело, и я смотрела на испуганный призрак женщины. Неважно, выполню ли я угрозу. Она поверила. Это было главным.

Но не успела я повернуться к двери, как она распахнулась, и вошёл мой брат. Я отпрыгнула, чтобы его массивное те-

ло не сбило меня с ног, и ударилась о стену. Купава ахнула, страх всё ещё дрожал на её бледном лице.

— Боги, Владимир! Что с тобой? — вскрикнула она, её голос дрожал от гнева. — Властимир мог быть у двери! Ты мог его сбить...

Владимир проигнорировал её, его лихорадочный взгляд нашёл меня. Я почувствовала, как сердце ухнуло в желудок. Я знала этот защитный взгляд. Что-то случилось.

— Судно, — сказал он, тяжело дыша. — Чёрные паруса идут к нам.

Я прислонилась к стене, напряжение сковало тело. Выглянув в пыльное окно, выходящее на пристань, я увидела беспарусное судно, длиной не менее семнадцати метров, извивающееся на горизонте.

— Боги, Владимир, ты чуть не напугал меня до смерти, — я закатила глаза, прижав руку к бьющемуся сердцу.

Но Владимир не успокаивался. Он схватил меня за плечи и встряхнул, в его глазах сверкало волнение.

— Чёрные паруса, Рина, — прорычал он.

Рина — так он звал меня, когда нервничал или беспокоился.

— Моряки без документов. На этом судне могут быть отроки.

Я выдохнула. Отроки — рукотворные дети одного из богов.

— Не будь таким подозрительным, Владимир. Насколько

нам известно, через наш остров проходит множество отроков, они просто не афишируют себя. Как и я.

Купава выпучила на меня глаза. Я легко читала её страх: она боялась, что я расскажу Владимиру, как она меня назвала. Тогда её ждали бы неприятности.

Я почти сделала это — просто чтобы увидеть, как она будет извиваться. Но не успела. В дверь постучали. Стук, который я узнала бы из тысячи.

— Мила! — взвизгнула я, обогнув брата.

Владимир не остановил меня, когда я распахнула дверь. Прохладный воздух ворвался внутрь вместе с сияющим овальным лицом. Кудрявые пшеничные волосы вились вокруг знакомых черт, голубые глаза сверкали ярче утреннего моря. Мила быстро вошла в избу и оглядела её.

— Судно пришвартовывается! — взвизгнула она, хлопая в ладоши.

Я почти видела искры возбуждения вокруг её стройной фигуры.

— Владимир тебя опередил, — ухмыльнулась я, закрывая шаткую дверь.

Её лицо на миг помрачнело, затем она снова оглядела избу. Взгляд остановился на окне, где тени судна приближались к острову.

— Владимир? — уныло произнесла она, повернувшись ко мне.

— Он говорит, что судно идёт без парусов, — добавила я,

глядя на хмурое лицо брата.

Мила смотрела на меня, и я ненавидела этот взгляд — будто в моей голове чего-то не хватало. Затем она широко и хитро улыбнулась.

— Парусов нет, — подтвердила она.

Отсутствие парусов означало, что судно вне надзора дружины — загадочная смесь пиратов, моряков и каперов. Возможно, на остров высадились даже нелегальные рыбаки, а это сулило разврат и деньги.

— Госпожа Лучезара изменила наш график, — сказала Мила. — Сегодня вечером мы работаем на вечернице.

Когда суда приставали к нашему острову, мы устраивали полуночные гулянья. Не из гостеприимства — ради торговли и денег, которые можно было выжать из путешественников. Я любила вечерницы. Но мои губы сжались.

— Как певицы или...

— Как вдохновительницы, — Мила показала ямочки и подмигнула. Я вспыхнула, как фонарь в ночи, улыбнувшись до ушей. Ни пения, ни разливания напитков — нам будут платить за веселье. И подумать только, Купава осуждала мою работу!

Купава что-то шепнула Владимиру, подтянув Властимира к себе. Должно быть, он проснулся, когда брат ворвался в избу, или мы с Милой разбудили его своим ликованием. Но Владимир взял слово:

— Если ты сегодня работаешь на вечернице, не возвра-

щайся домой. Останься у Милы или переночуй в бане во дворе.

Я закатила глаза.

— Как будто я закончу до восхода солнца.

Даже если на судне скрывается отрок и он каким-то образом узнает, что я умею, мой племянник и его излишне опекающие родители будут в безопасности. Кровь, что прольётся на берегу, будет моей.

Жить на этом изолированном острове, с одной деревней и одним лесом, было тяжело. Суда у причала были единственным развлечением. Новые лица, бродящие по деревне под выпивку, музыку и украденные поцелуи, дарили мимолётное счастье.

Мила схватила меня за руку, привлекая внимание. На её лице снова появилось мрачное выражение.

— О чём ты опять думаешь? — её голос был тих, как посапывание Властимира у печи.

— Владимир, — ответила я, лениво указав на брата.

Она печально вздохнула, затем заставила себя улыбнуться.

— Встретимся на работе, — решила она. — А тебе пора в баню. — Она обнюхала меня и скорчила гримасу, от которой я улыбнулась. — И хорошенько помыться.

Фыркнув, я помахала напряжённой троице у печи и позволила Миле утащить меня в центр острова.

Глава 2

К тому времени, как из оживлённой деревни и многолюдного причала донеслась музыка, мы с Милой были готовы. В примерочной одна из девушек заплела мои каштановые волосы в тонкие косы, перевивая их фиолетовыми лентами. Теперь мой полуизысканный образ был готов к прикосновениям чужих рук.

Госпожа Лучезара нарядила нас в чёрные юбки с низкой посадкой, украшенные звенящими поясами с монетами на бёдрах, и чёрные сандалии с такими тонкими подошвами, что мы могли бы подкрасться к богу, если бы не звон монет. Открытые кофты на бретелях, сотканные из шёлка, слишком плотно облегли грудь, а их обрезанные края обнажали соблазнительные животы. Я занервничала, заметив тёмные тени острова за пыльным окном примерочной.

Позади меня Мила возилась со своими непокорными светлыми кудрями, выющимися, словно дикие лесные кошки.

— Как там вид? — пробормотала она, пока госпожа Лучезара завязывала лямки её кофты.

Улыбка тронула мои губы.

— Суетливо и темно, — ответила я, чувствуя, как в мои фиолетовые глаза закрадывается озорство.

— Сегодня вы здесь, чтобы завлекать, — напомнила гос-

пожа Лучезара. — Развлекайте их, щекотите их фантазии, а когда они будут готовы, отправляйте к нам.

Я кивнула, бросив взгляд в окно. Сегодня мы с Милой — соблазнительницы. Будем танцевать, смеяться, а затем направлять добычу в дом развлечений госпожи Лучезары на холме, где есть всё: от тёмных игровых комнат до укромных спален наверху. Это было не для меня. Мне нравился азарт погони, но скука быстро одолевала, как только добыча попадалась.

Помните, что я говорила о скуке? Я не могла выпустить Чудовище наружу. К тому же резкий запах опиума в заведении госпожи Лучезары душил меня.

— Дай взглянуть на тебя, — скомандовала она.

Я повернулась, прижав руки к бокам. Госпожа Лучезара осмотрела меня с привычной тщательностью: узоры, нарисованные краской на моих руках, губы, покрытые красным бальзамом, глаза, подведённые чёрным карандашом. Она даже понюхала мои руки, проверяя, перебивают ли мыло и духи слабый запах морепродуктов. Торговцы мылом нажили на нас целое состояние.

Удовлетворённая, она отправила нас в деревню с бутылками сикеры и скрученным табаком для трубок. Но я не собиралась работать в полную силу. Небо, расписанное тёмно-синими завитками и сверкающими звёздами, обещало волшебную ночь. Ночь, которую я запомню навсегда.

В темноте над головой хлопали вороньи крылья, напоми-

ная старые простыни, что я вешала сушиться у избы. Каждый их тяжёлый взмах звучал как раскаты грома. Удивительно, что никто, кроме меня, не замечал их за быстрыми ритмами деревенских барабанов.

Думаю, только я обращала внимание на ворон. Они мне всегда нравились.

Я стояла с темноволосым пиратом, когда небо разорвала гроза, спугнув последних птиц. Уголок моего рта опустился, когда яркие вспышки фейерверков взорвались над головой с громовым грохотом, рассыпая ослепительные искры.

— Не любительница потешных огней? — спросил пират, подняв на меня янтарные глаза. — Мы привезли их специально. Наш подарок вашему острову за тёплый приём.

Фейерверки складывались в белые и красные лилии. Я сделала глоток сикеры из бутылки, которую мы делили, — дешёвый крепкий напиток, способный свалить с ног. Он обжёг горло, но я запила горечь ещё одним глотком.

— Не совсем, — кашлянула я. — Они не сравнятся с настоящим небом и звёздами. Зачем прятать подделками настоящую красоту?

Пират забрал бутылку. Пока он пил, его любопытный взгляд скользил по моему лицу. Даже в молчании озорство прилипало к его грязно-карим глазам.

— И шумные, — добавила я, чувствуя жар на щеках. — Распугали всех птиц. Это немного жестоко.

Он улыбнулся и поставил бутылку на скамью рядом.

— Настоящая жестокость — упустить такой момент, — сказал он, указав на нас, а затем на звёздное небо.

Фейерверки превратились из лилий в кровоточащие сердца и идеально круглую луну. Звёзды и луна были фальшивыми, но их свет — нет. Белый лунный свет озарил остров, высветив каждый тёмный уголок, где прятались поцелуи и ласки. Я засмеялась, заметив, как из-за пустого рыночного прилавка выбралась полураздетая пара.

— Значит, разговоры для тебя — пустая трата времени? — бросила я вызов, снова глядя на пирата.

Он улыбнулся слишком нежной улыбкой и прислонился к высокому пню, едва не опрокинув бутылку локтем.

— Если мгновение тратится не на поцелуи, кувыркание в постели, убийство или воровство, это ужасная трата.

Я едва сдержала смех, лишь ухмыльнувшись и покачав головой. Пираты зывали к Чудовищу. Они говорили с ним, а не с той «я», которой я притворялась.

— Сегодня я не в настроении убивать или воровать, — сказала я, нервно потянувшись к бутылке. Одно неверное движение — и вся работа пойдёт насмарку. — А если решу покувыркаться, мне нужно знать пирата-убийцу хотя бы день.

— Тогда поцелуи? — его улыбка защекотала мой живот. Или это была его скрытая жестокость? Он даже не вздрогнул, когда я назвала его убийцей.

Я задумалась, каково быть таким свободным, чтобы не

скрывать, кто ты есть. Пираты и вороны могут летать и плавать без оглядки.

Отогнав эту мысль, я глотнула сикеры. Отняв бутылку от губ, я сдавленно кашлянула и предложила ему.

— Кстати, меня зовут Каспар, — сказал он, поднеся бутылку к губам, но не отпив. Его мерцающие глаза смотрели на меня, словно звёзды. — Теперь можем поцеловаться?

— Пожалуйста, — усмехнулась я. — Как будто мне важно твоё имя.

Его смех заглушили внезапные крики:

— Есть один! Я нашла ещё одного!

Я подняла глаза, когда три тени скатились с холма, направляясь к нам. Прищурившись, я шагнула к скамье. Яркие вспышки фейерверков угасали, оставляя белые пятна перед глазами.

— Дарина? — девушка впереди помахала рукой.

Я облегчённо выдохнула, узнав Милу и двух других девушек из заведения госпожи Лучезары. Но облегчение сменилось тревогой, когда я заметила в её руке красную ленту.

Я знала эту игру, но она мне не нравилась.

— Мила, — огрызнулась я, когда она, пошатываясь, остановилась рядом с Каспаром. — Отойди...

Поздно. Она схватила его лицо и притянула для поцелуя — слишком страстного для мощёной тропинки между деревней и берегом.

Каспар замер на секунду, затем обвил её талию и прижал

к себе.

Мой рот скривился, глядя на них в объятиях прямо передо мной. Он не был подходящей мишенью для их игры. Две другие девушки, пришедшие с Милой, знали это и неловко переминались поодаль. Одна из них пробормотала «прости» и, развернувшись, умчалась с подругой искать новых жертв.

Что я могла сделать с их извинениями? Не перемотать же время назад. Не вернуть начало ночи, чтобы выбрать другую цель.

Игра называлась «Ленточки и поцелуи». У всех, кто работал у госпожи Лучезары, были ленты, которые мы раздавали всю ночь. Мужчины с фиолетовой лентой принадлежали мне. Но я ещё не обвязала Каспара.

Всё время и силы, потраченные на него, пропали даром. Мила накинула на его шею голубую ленту, и теперь он в её списке. Госпожа Лучезара подумает, что это Мила проделала всю работу, хотя она лишь украла сливки с моего пирога.

Мои глаза вспыхнули гневом.

— Он мой, — прошипела я.

Мила была слишком занята, чтобы услышать. Я шагнула вперёд и схватила их руки, словно тисками, готовая разорвать их...

Ошибка. Мне не стоило к ним прикасаться. Особенно к нему.

Я вскрикнула от удивления. Мила подавилась криком и отшатнулась.

Каспар не был пиратом.

Его кожа вдруг засияла. Сияние померкло, но успело проникнуть в меня. Ошеломлённая, я наблюдала, как оно извивалось по моей руке, вдоль ключицы, а затем устремилось к Миле, вливаясь в её кожу.

Я украла силу Каспара. Своим прикосновением я вытянула его дар и передала его Миле через себя. Владимир был прав. Мне стоило остаться дома. Сохранить жизнь.

— Отрок, — прошептала Мила, глядя на Каспара с недоверием.

Он выглядел таким же потрясённым, как мы.

У меня не было выбора, кроме как бежать от него как можно дальше. Это то, от чего умерла моя мама, защищая меня. Никто не должен знать, кто я. Похитительница силы и дара. Особенно отрок, дитя бога.

Я сильнее сжала запястье Милы. Её кости скрипнули.

— Беги! — закричала я.

Глава 3

Сапоги стучали по камням, догоняя нас. Мы с Милой мчались по тропинке к берегу. Позади Каспар кричал своим товарищам. Вскоре нас преследовала полудюжина его людей.

Я не могла позволить им нас поймать. Моя жизнь оборвётся, как жизнь матери. Я была мырзеком, мерзостью, человеком с запретным даром, которым владели только боги и их дети — отроки. Такие, как я, не были нормальными. О нас почти никто не знал — настолько, что нас нельзя было назвать даже редкими. Меня уничтожат за то, что я не могу контролировать.

Я бежала быстрее, чем могла вообразить, таща Милу за собой. Наши сандалии не были созданы для бега, тем более по каменистому берегу.

Мы выскочили на пляж. Не прошло и секунды, как Мила вскрикнула — острый камень рассёк ей ногу. Она рухнула на камни. На миг я заколебалась. Помочь ей — значит рисковать быть пойманной. Это может стоить мне жизни. Но если оставить её, она укажет им на мою избу. Хотя бежать домой я не собиралась — слишком очевидно и глупо.

Мои колебания стоили драгоценных секунд. Сдержав стон, я схватила Милу за плечи и подняла на ноги. Мельком взглянув вверх её головы, я увидела Каспара и его товарищей в нескольких шагах от нас.

— Давай! — прошипела я, заставляя её бежать по камням.

— Бегите вокруг! — приказ Каспара прогремел над берегом, зажигая во мне искру надежды. Вдруг кто-то услышит и придёт на помощь? Пусть жители острова не любили меня, мы были одним целым, и они не оставят нас.

Мила думала так же.

— Помогите! — кричала она, задыхаясь. — Кто-нибудь, мы внизу...

Громкий хруст. Крупный мужчина сбил её с ног. Я почти остановилась. Но Мила не была их целью.

— Не она! — голос Каспара гремел, как фейерверки. — Другая! Хватай другую!

Мои ноги никогда не двигались быстрее. Я мчалась по берегу, уклоняясь от острых камней и ям. Каштановые волосы хлестали по лицу, словно ледяной ветер, но я не чувствовала холода. Только стук сердца в ритме деревенских барабанов. Я свернула вправо, к кустарнику, ведущему в лес.

Домой нельзя. Отрок и его команда последуют туда, и кто знает, что они сделают с моей семьей? Лес — мой единственный шанс.

Кусты приближались, и с ними росла надежда. Но тяжёлое тело врезалось мне в бок, сбив с ног. Взрыв боли пронзил висок — должно быть, я ударилась о камень.

Я застонала, пытаюсь перевернуться. Мясистые руки схватили меня за плечи и рванули назад. Всклип застрял в горле.

Зрение помутнело, но я различила силуэты. Мускулистый мужчина с бородой, сбивший меня, возвышался надо мной, его лицо искажала злоба. Тени скользили вокруг, но Каспар выделялся на фоне ночного неба. За его спиной насмешливо подмигивали звёзды.

Сознание слабело. Я изо всех сил боролась со сном, но он побеждал. В глазах Каспара всё ещё горели трепет и восхищение. Он изучал моё лицо сверху вниз. Он не был моряком, как и другие тени.

Судно у острова не везло моряков, каперов или пиратов. Всё было хуже. Они были сосудами богов — отроками и идолопоклонниками, исполнителями их воли. Они разорвут меня за то, кто я есть.

Мой разум отключался быстрее, чем они могли причинить вред. Вдалеке раздался крик — моё имя.

— Мила... — выдохнула я.

Это было последнее, что я успела, прежде чем ночь поглотила меня.

Я очнулась в клетке из ржавых прутьев. Внизу, на двухмачтовом судне, с деревянных панелей капала вода. Воздух был холоднее самых диких ветров на острове. Всё, что у меня было, — ночной горшок с крышкой и грубое одеяло, царапающее кожу и вызывающее сыпь на руках. Пол покачивался в ритме плывущего судна.

Сначала я глупо подумала, что мне повезло остаться в жи-

вых. Но потом поняла: это не повод для радости. Судно отроков и их покровителей везло меня в последнее место, куда я хотела попасть.

Асия. Земля богов.

Искра ужаса пробежала по телу, до самых скрюченных пальцев ног. Не от холода. Отроки сами по себе были зловещими созданиями, которых следовало избегать. Дети богов. Рукотворные, грозные и могущественные.

С того дня, как отрок убил мою маму, я их боялась. Возможно, я не так хорошо их избегала, но страх навсегда поселился во мне. Я запомнила тот день, когда он въелся в моё сердце.

Я была маленькой, грязной девчонкой, одежда промокла от игр в пенистом море. Два судна стояли у длинного деревянного пирса. Мама слишком долго разговаривала с моряком. Она велела мне ждать на берегу, но темнело, я замёрзла и хотела познакомиться с торговцами. Иногда у них были шёлковые ткани и ленты.

Собрав несколько красивых ракушек, я побежала к маме. Она торговала с мужчиной с добрыми глазами и чёрной лентой на запястье — знаком женатого человека. Возможно, у него были дети. Возможно, он поторгуется со мной.

Папы у меня не было. Мама однажды сказала, что отцы — как пыль: повсюду, но бесполезны. Я не грустила об этом. Споткнувшись у маминых ног, я посмотрела на торговца.

— Что я могу получить за это? — спросила я, протянув

ладони, полные ракушек.

Мама бросила на меня мрачный взгляд, обещавший порку. Я надулась.

— Что у тебя? — мужчина присел, разглядывая ракушки. — О, какие красивые. Моей дочке понравятся.

Я всё ещё дулась, потому что он выбрал самую большую ракушку — ту, что я хотела спрятать в карман.

— Хочешь сладкое? — он достал из кармана леденец.

Их привозили только из Азии, центра мира, где жили боги с отроками и идолопоклонниками.

— Хватит, Дарина, — мама забрала леденец и жестом велела идти домой.

Мне нельзя было касаться незнакомцев. Мама говорила, что мои руки делают странные вещи и пугают людей. Я фыркнула, засунув ракушки в карман юбки. Они звенели, когда я сделала реверанс перед торговцем.

Он рассмеялся и низко поклонился.

— Доброго дня, лебёдушка, — сказал он.

Я повернулась, чтобы бежать к пирсу, но споткнулась о мешки с морепродуктами — товар нашего семейного купечества, как называл это Владимир. Я растянулась на досках.

— Осторожно! — передо мной возникли чёрные потёртые сапоги.

Я прищурилась на нового путешественника. Он сиял на солнце, как фонарь в ночи. Улыбаясь, он наклонился, чтобы поднять меня.

— Нет! — закричала мама.

Её костлявые пальцы вцепились в моё плечо, когда моряк поднял меня. Всё затихло. Слишком тихо. Я нахмурилась, глядя на маму. Она крепко держала моё плечо, а другой рукой — запястье моряка. Я заметила, что он не носил ленты.

Он смотрел на меня, его глаза сверкали, как звёзды. Его сияние потускнело, потекло через моё плечо к маме. Он перевёл взгляд на её руку, сжимавшую его запястье, и растерялся.

— Простите, — сказала мама, не глядя на меня. — Я ничего не могу с этим поделать. Пожалуйста, у меня дети...

— Мырзек, — прошипел он.

Мама оттолкнула меня. Я шагнула назад, желая спрятаться в её юбках. Мне не нравилось, как он на неё смотрел.

Я оглянулась на торговца с добрыми глазами. Но он уже не был добрым. Он выхватил длинный меч и поднял его...

— Мама!

Мой крик разнёсся с ветром. Я пыталась оттолкнуть её, но не успела. Мама отшвырнула меня, и я упала. Кровь брызнула надо мной.

Лезвие рассекло её грудь, алое пятно расплылось по воздуху, яркое, как кровь убитой вороны.

Лишь годы спустя я поняла, что произошло. Те моряки были отроками, детьми богов. Они убили мою маму на моих глазах, а затем оставили меня рыдать над её телом, пока Владимир не утащил меня домой после заката.

Всю жизнь мой страх был направлен на отроков. Я и представить не могла, что испытаю леденящий ужас перед богом. Потому что не ожидала, что мой путь пересечётся с их путём.

Глава 4

Судно отроков должно было меня напугать. Воспоминание о крови матери, разлетевшейся по воздуху, должно было свести с ума или, по крайней мере, толкнуть на отчаянный шаг — покончить с собой, лишь бы не попасть в Асию. Владимир хотел, чтобы я боялась. Он подталкивал меня к страху, надеясь, что однажды я спрячусь ото всех, избежав угрозы быть раскрытой. Знает ли он, что со мной случилось? На Малой Муксалме ночи в порту были единственной радостью. Прибывали суда, и начинались гулянья. Я любила мелодии деревянных флейт, страстные танцы под бой барабанов, украденные поцелуи в темноте с мужчинами, которых я больше никогда не увижу. Это были сливки на пироге портовой ночи. Но эта ночь обернулась тем, чего я не ожидала, — кошмаром, которого всегда боялся Владимир.

Я была глупа. Но осознание этого ничего не меняло. Я оставалась пленницей отроков. Холод пробирал до костей, и в сырой камере я плотнее закуталась в грубое одеяло. Моя рабочая одежда не годилась для морских путешествий: ремешок сандалий ослаб, юбка истрепалась, а кофточка, вероятно, выглядела не лучше. В таком виде я не могла предстать перед богом.

Мне хотелось нормальной одежды. пышных юбок, корсета на косточках, ботинок на шнуровке, чулок. Мои платья на

острове были скромными — тусклые оттенки старого пергамента или выцветшего голубого, с пятнами, оставшимися от прежних лет. Но даже они согрели бы меня и избавили от страха выглядеть жалко перед богом.

Я провела в камере несколько часов, прежде чем кто-то спустился ко мне. Шаги тихо зазвучали по деревянным ступеням. Я вгляделась в узкий проход, изгибающийся к моей клетке.

Каспар появился в свете тусклых фонарей. Он выглядел так, будто не участвовал в погоне: чёрное пальто до талии облегало его худощавую фигуру, застёгнутое на жемчужные пуговицы. Его бог не скупился на роскошь — синий сюртук, отглаженные брюки, заправленные в ботинки с серебряными шнурками.

— Где Мила? — мой голос дрожал.

Пока я то теряла сознание, то приходила в себя, когда меня вели к судну, я помнила, как Милу тащили следом. Её крики эхом звучали в голове.

Каспар остановился у решётки. Тёплый свет фонарей осветил его лицо, и в янтарных глазах всё ещё мерцала та теплота, что была на вечернице, до того как всё пошло наперекосяк. Он не смотрел на меня с враждебностью, несмотря на то, что я украла его силу, но благоговение исчезло из его взгляда.

Теперь, зная, кто он, я видела его скрытую угрозу, хоть она и была едва уловимой.

— С Милой всё в порядке, — наконец сказал он, сжимая ржавую перекладину руками в перчатках. — Я не об этом спрашивала, — огрызнулась я, стараясь придать голосу дерзости, но он звучал надломленно. Я не пила воды с вечерницы, и во рту остался лишь резкий привкус сикеры.

Каспар уклонился от ответа.

— Признаюсь, меня удивило, что ты первым делом спросила о ней. Вы с Милой не казались близкими на празднике, — кожа его перчаток скрипнула, когда он переместил вес тела. Злобная ухмылка мелькнула на его лице. — Скажи, она часто крадёт твоих мужчин?

Иногда.

— Ты не был моим, — выплюнула я, плотнее закутываясь в одеяло. — И она тебя не крала. Насколько помню, это ты нас украл.

— После того как ты украла мою силу, — его улыбка сверкнула, как жемчуг в лунном свете. — Но мы ещё до этого дойдём.

Холод пробежал по спине. Он имел в виду, что до этого доберётся его бог. Тот, кого я не переживу.

— Твоя подруга хранит мою силу. Я хочу её вернуть, — продолжил он. — А пока не желаю держать тебя взаперти. Нам не нужно, чтобы ты заболела или умерла раньше времени. Мы на охраняемом судне посреди Тёмного моря. Тебе некуда бежать, маленькая воришка.

Его улыбка не дрогнула, но тьма завладела его глазами. Я

вновь оказалась на пирсе, глядя на отрока, зарубившего мою мать. Мои пальцы сжались, ногти впились в онемевшие ладони. Я почувствовала тёплую кровь, стекающую по рукам.

Тёмное море не манило прикоснуться к его чёрной поверхности, не говоря о том, чтобы нырнуть. Под ней скрывались звери, созданные богами задолго до нас. Любой, кто пересекал море малой группой или падал за борт, исчезал навсегда. Эти твари жаждали плоти — человеческой или отрочьей, без разницы. Только боги были неуязвимы для их ужаса.

Мой план переплыть море и найти убежище на чужом острове рухнул. Это была скорее надежда, чем план, но надежда бывает глупой.

Каспар понял, что я осознала своё положение — даже вне камеры я в клетке. В его глазах вспыхнул дружелюбный огонёк. Он отошёл от решётки к двери, вытаскивая с пояса кольцо с ключами, на котором висели кинжалы и пистолет.

Звон ключей разнёсся по судну, пока он медленно перебирал их.

— Ты найдёшь Милу на палубе, — тихо сказал он, выбрав железный ключ. — Оставшуюся часть пути вы будете жить в одной каюте.

Он вставил ключ в замок. Я так пристально смотрела на него, что удивилась, почему из глаз не хлынула кровь. Замок щёлкнул, сотрясая мои кости.

Я надеялась, что в каюте найдутся тёплые одеяла. Если

меня ведут на смерть, чтобы вернуть украденную силу, я хотела встретить её согретой.

Каспар закреплял кольцо с ключами, когда по лестнице загрохотали тяжёлые шаги. Мы обернулись к проходу. Мгновением позже перед нами остановился огромный мужчина, задевая ржавые прутья плечами, а всклокоченными волосами — влажный потолок.

Я узнала его. Это он сбил меня на берегу. Моя челюсть сжалась, глаза сузились.

— Приближается судно, — сказал он Каспару, его слабое сияние выдавало в нём отрока. — Летят красные паруса, господин.

Каспар выглядел поражённым.

— Красные? — переспросил он.

Паника мелькнула в его глазах лишь на миг, и я задумалась, не почудилось ли мне это в неверном свете фонарей. Я не ела и не пила с вечерницы, а Тёмное море находилось в двух днях пути от Малой Муксалмы. Возможно, мне стоило больше заботиться о себе, чем о лицах отроков.

Каспар бросил на меня взгляд, разрываясь.

— Отведи её в каюту, — приказал он коренастому и вышел, двигаясь быстрее, чем на берегу.

Красные паруса не сулили ничего хорошего. Даже я, никогда не покидавшая родной остров, знала это. Только суда богов несли цветные паруса. Остальные плавали без них или с белыми и чёрными, украшенными символами. Цвета при-

надлежали богам. Мама рассказывала, что мой отец приплыл на судне с золотыми парусами, но я так и не узнала, какому богу они принадлежали. Отцы — как пыль...

Розовый был цветом Страсти Любовника. Владимир клялся, что видел розовые паруса на горизонте холодным утром морозного сезона. Я не верила ему ни тогда, ни сейчас.

Серый принадлежал Хранительнице потерянных душ. Для многих она была богиней добродетели, не зла. Но доброта не делала её менее ужасной. Её серый цвет символизировал души, затерянные в морях или принятые ею в свои ряды.

Красные паруса были хуже всех. Они принадлежали Морю — богу смерти, холода и болезней. Абсолютному злу. Осознание, что его судно приближается, вызвало волну тошноты. Возможно, это был его флот, сопровождающий нас в Асию. Боги использовали орлов и ворон для вестей. Может, Мор уже знал обо мне и моём даре и послал корабль.

Тошнота захватила меня. Я согнулась пополам на заплесневелом полу, тяжело дыша. Рвота хлынула на доски, смешавшись с жёлчью. Её капли запачкали руки, горло горело.

Я подняла мутный взгляд и увидела коренастого отрока у открытой двери. В своём недуге я не заметила, как он её отпер. Он прислонился к решётке, скрестив руки и лодыжки, и наблюдал за мной.

— Не виню тебя, — сказал он. — На твоём месте я бы тоже очистился до смерти, лишь бы не встретить бога, который тебя ждёт.

Я съёжилась от его слов и едкой жёлчи.

— Тебе можно так говорить о своём создателе? — про-
бормотала я, отворачиваясь.

Его борода дёрнулась в усмешке.

— Кто сказал, что мы все рождены одним богом?

Я нахмурилась, не понимая, но мне было всё равно. Меня
везли на смерть. Политика отроков волновала меня меньше
всего.

Он вошёл в камеру и, схватив за руку, рывком поднял на
ноги. Я покачнулась вместе с судном. Головокружение уси-
лилось, и я подумала, что меня вырвет на него. Может, это
было бы неплохо — он ударил бы меня, и я ушла бы из жиз-
ни без мучений.

— Двигайся, — проворчал он, таща меня из клетки в ка-
юту на следующем этаже.

Впервые за долгое время я хотела, чтобы Чудовище взя-
ло верх. Оно родилось в тот день на пирсе, когда кровь ма-
тери оросила воздух. С тех пор во мне жило желание про-
ливать кровь. Когда Чудовище владело мной, эмоции исче-
зали, оставляя холодное небытие. Мне нужно было, чтобы
оно заглушило страх, превратив его в эхо самосохранения.
Но страх был слишком велик, и Чудовище не пришло.

Глава 5

В течение следующих двух дней я провела в тесной каюте, пропахшей сыростью и солью. Мила приходила и уходила, но почти не разговаривала. Кажется, она винила меня за то, что оказалась здесь. Это я направила силу Каспара в её тело, и из-за меня она тоже попала в ловушку на этом судне. Хотя на второй день я начала подозревать, что её ловушка не так уж велика. Ей, похоже, нравилось покидать каюту и бродить по палубе.

«Как будто плывём по чёрному песку», — сказала она однажды, упомянув Тёмное море. Это были редкие слова, которыми она со мной поделилась.

Храбрость Милы удивляла. Возможно, я даже немного завидовала. Сама я боялась выйти из каюты и оказаться среди молящихся и отроков. Но с первыми лучами солнца Мила рвалась наружу, словно тесная комната душила её.

Когда Каспар пришёл ко мне, я была одна, сидя на гнилом подоконнике. Окно заколотили досками, но сквозь узкие щели я видела чернильно-чёрных ворон, стаями тянувшихся по голубому небу.

— С палубы вид лучше, — шёлковый голос Каспара скользнул по каюте, напомнив мне о змеях, ползущих по влажной траве.

Я вздрогнула, обернувшись.

— Ты уже не в темнице, Дарина, — продолжил он. — Как я сказал, я не боюсь, что ты бросишься за борт. Не с тем, что скрывается под этой чернотой.

— Мм, — промычала я, пожав плечами. Звук был чем-то средним между хрюканьем и жужжанием.

Меня не волновало Тёмное море и его чудовища. Кого я обманываю? Конечно, волновало. За бортом ждала смерть — ужасная, мучительная, которая всё равно привела бы меня к богине, Хранительнице потерянных душ. Эта судьба мало отличалась от той, что ждала меня впереди. Но так я хотя бы цеплялась за угасающий бутон надежды, всё ещё теплившийся внутри.

— Мила на палубе, — легкомысленно добавил Каспар.

Я просто хотела смотреть на ворон. Ему, похоже, было наплевать. Я взглянула на него: он устроился в мягком кресле, похожем на сплюснутое яйцо на ходулях. Выглядело жутко, но, к удивлению, было удобным — я знала это, потому что засыпала в нём.

Онемение сковало меня.

— К какому богу ты меня везёшь?

Его бровь удивлённо приподнялась. После паузы лицо стало суровым, но он расслабился в кресле.

— К тому, которому я принадлежу, — его глаза были настороженными, как и тон.

Принадлежу...

— К тому же богу, что и тот коренастый отрок? — спро-

сила я. — Которому не помешало бы побриться и научиться манерам.

И, может, получить нож в горло.

Бледные губы Каспара изогнулись, а в глазах сверкнула озорная искра. Это напомнило мне весёлые секунды на полуночной вечеринке, прежде чем мир перевернулся, и мы с Милой оказались в этой вонючей, сырой каюте, кишашей отроками, посреди самого смертоносного моря.

— Ведагор, — сказал он. — Его зовут Ведагор. И если хочешь пережить путешествие без сломанных костей и содранной кожи, советую запомнить это имя.

Улыбка не сходила с его лица, но предупреждение звучало слишком реально.

Каспар вздохнул.

— Кому я принадлежу, станет ясно со временем. А завтра утром ты предстанешь перед ним.

Я застыла на подоконнике, сердце ухнуло в пятки.

Завтра утром...

Судя по щелям в окне и скудной порции еды, что скоро принесут, сумерки были близко. Через час небо окрасится в красные и пурпурные оттенки. Одна ночь — всё, что у меня осталось.

Завтра я встречу свою смерть.

Каспар поставил у двери что-то тяжёлое. Я вытянула шею и увидела сундук, замок которого Мила полночи пыталась взломать. Даже этот час, проведённый вместе, не заставил её

говорить.

— Умойся и оденься подобающе, — Каспар присел к сундуку и отпер его ключом с большого кольца. — Какой бы ни была твоя судьба, ты должна выглядеть так, чтобы угодить богам и выказать им уважение.

Он поднял крышку и выпрямился, высокий и стройный.

Я не сдвинулась с подоконника.

— Переоденусь после того, как умоюсь.

Взгляд скользнул к крошечному металлическому тазу, в который я едва могла втиснуться. Таз есть таз. Мила поможет мне дотянуться до спины и, возможно, вымоет волосы.

Каспар пожал плечами.

— У тебя вся ночь. — Его жестокая улыбка обратилась ко мне. — Сомневаюсь, что ты сомкнёшь глаза.

Я побледнела. Каспар ушёл, но я не осталась одна. Чудовище зашевелилось, скребя когтями, чтобы вырваться. Во мне жила тьма. Она обвивала кости, как матросский канат, но не касалась души — она *была* моей душой.

На Малой Муксалме, увидев, что моя сила сделала с мамой, я боялась выпускать тьму. Она принесёт лишь боль и ужас, ранит глубже, чем время способно исцелить. Стоя у перил на палубе, я прокручивала это в голове, чувствуя, как гнев танцует с ужасом под кожей.

Увидит ли Мор больше, чем мой секретный дар? Проникнет ли он в душу глубже, чем кто-либо, и вырвет мою жестокость? Это недопустимо. Чудовище должно остаться скры-

тым. Судно приближалось к Азии, и чем ближе был берег, тем сильнее я сомневалась.

Мор — зло. Бог, которого нужно бояться больше всех. Он может использовать Чудовище против меня, заставить совершить жестокость, о которой я втайне мечтала. Ногти впились в солёную древесину перил. Заноза уколола палец, но боль не отразилась на каменном лице.

Внутри я кричала от ужаса. Снаружи была статуей — как те, о которых рассказывали моряки. Они говорили, что статуи в столице вылеплены из упавших звёзд. Звезда или дубинка — неважно. Я оцепенела, потому что малейшая трещина могла всё разрушить. Я бы бросилась за борт.

Может, стоило.

— Тоже не можешь заснуть?

Не оборачиваясь, я узнала голос Милы, крадущейся по скрипучей палубе. Её утренний тон был слаще ягод.

Она подошла и положила руку на мою, липкую от соли и слишком крепко вцепившуюся в перила. Хотелось оттолкнуть её.

— Можешь поверить, что, когда судно причалит, нас отвезут к богу? — пробормотала она.

Дрожь пробила меня. Не холодный морской ветер — страх. Мила боялась так же, как я. Никакой романтики. Бог — чудовище. Воплощение зла. А меня везли к самому жестокому.

— Прости, что втянула тебя, — мой шёпот был холоднее

её руки. Дыхание клубилось у рта.

Я ждала ответа, чувствуя, как ледяная улыбка жжёт щеки, яркие, как свежая кровь. Но Мила молчала. Мы стояли, считая удары сердца.

Небо, усыпанное морской пылью, светлело. Рассвет наступал слишком быстро.

— Как думаешь, хуже умереть в этом море или от рук Мора? — спросила я вслух. — Можно рискнуть и надеяться утонуть, пока водные твари не схватят.

Мила молчала, убрала руку. Она имела право винить меня. Но я хотела швырнуть её за борт. Желание пронзило, как замёрзшая кровь.

Я закрыла глаза. Неужели я обречена вечно бороться с этой частью себя? Но мои дни были сочтены, и Чудовище — меньшая из бед.

Открыв глаза, я заметила, как звёзды гаснут одна за другой.

— Я не злюсь на тебя, — наконец сказала Мила, глядя на горизонт, где проступали розовые и фиолетовые пятна.

— Я просто... боюсь, — тихо закончила она.

Я подавила насмешку. Её смерть будет быстрой, возможно, безболезненной. А моя? Если Мор раскроет мою тьму, он использует её, прежде чем оросит Асию моей кровью. Он — зло.

— Я тоже, — прошептала я.

Тишина окутала нас. Ветер доносил карканье ворон, и

я закрыла глаза, вслушиваясь в их мелодию. Хотелось вернуться в каюту.

— Владимир был прав, — отстранённо сказала я.

Мила опустила голову, тихо вздохнув.

— Он велел мне не ходить. Я посмеялась, но он был прав.

— Это должно прекратиться, Дарина, — слёзы заглушили её голос. Она не смотрела на меня. — Я не могу притворяться. Не сейчас.

Я нахмурилась, вопросительно глядя на неё.

Когда она подняла лицо, её взгляд был полон жалости, как будто я — глупый ребёнок, жующий песок.

— Владимир мёртв, — её голос хрипел. — Уже три года.

Челюсть сжалась, в глазах вспыхнул огонь. Внутри всё корчилось. Я покачала головой, уставившись на воду.

Но Мила не унималась.

— Владимир, Купава, Властимир, — отчаянно продолжала она. — Лихорадка забрала их. Ты не помнишь?

Я трясла головой, лицо окаменело.

— Я говорила с ними утром в каюте. Ты была там.

— Дарина, хватит, — она схватила мой подбородок, заставив посмотреть на неё. — Ты знаешь, что их нет. Они не живут на острове. В каюте только мы. Ты и я.

Вспышка кладбища мелькнула в мыслях. Холод разлился по венам, я отпрянула.

— Не хочу говорить, — голос надломился от страха. Я вцепилась в перила, руки онемели от холода и давления. —

Можем просто постоять вместе?

Прежде чем Чудовище вырвется и швырнёт тебя за борт в слепой ярости.

Краем глаза я увидела, как Мила кивнула. Её рука легла на мою, сжимая так крепко, будто она боялась, что я прыгну.

Я слышала истории об Азии, Стране Богов. Моряки рассказывали о красоте острова, самого большого в мире, где небо сияет ярче благодаря энергии богов. Но никакие истории не подготовили нас с Милой к тому, что мы увидели.

Остров не походил ни на один другой. Он простирался за горизонт, где зазубренные горы врезались в облака. Туман окутывал скалы, сложенные, казалось, из пепла и костей. Самая высокая вершина спускалась к острову, сверкая небесно-голубым водопадом. Я видела их в книгах, но наяву он был великолепен. Даже с расстояния вода казалась яснее солнечного дня. Когда мы подплыли ближе, я различила зелёное морское дно.

Я ожидала причал — старый, сырой пирс, истоптанный моряками. Вместо этого берег изгибался полукругом, где стояли на якоре суда. В чаше моря качались гребные лодки, привязанные к столбам или дрейфующие у кораблей.

Желудок сжался. Не из-за гребной лодки, а из-за столицы. Яркой, цветной. Дома, наклонные и пузатые, сверкали красками богов, некоторые блестели, как краска на лице в сумерках. Мощёные улочки вились по холмистому городу, рынка не было видно. Куда вёл водопад, оставалось загадкой

— из земли торчали мшистые холмы. Это была лишь дальняя часть острова.

Судно приближалось к берегу с золотым песком, напомнившим рассказы мамы о пустынях, где молнии во время гроз создают стекло, прозрачное, как вода у берега.

За городом, среди лиловых деревьев, возвышался холм, сухой, как мой рот, и цвета отшлифованной кости, из которой делают рукояти кинжалов. На холме, высеченный, стоял Дворец Богов.

— Звёздная пыль, — голос Милы дрожал от изумления. — Она правда существует.

Она была права. Слухи о дворце ходили разные, но все сходились в одном: он построен из звёздной пыли. Я не верила, пока не увидела своими глазами. Полуночная синева сияла над морем, городом и лесом, создавая магию. Дворец, прозрачный, как вода, возвышался на костяном холме.

Ничто не казалось таким зловещим предзнаменованием.

Когда гребную лодку спускали в тёплую воду и бросали якорь, я на миг подумала о побеге. Мы с Милой могли прыгнуть за борт и доплыть до берега. Остров огромен — мы бы растворились среди людей. Но матросы, как саранча, закружились вокруг, а проклятый отрок подошёл так близко, что я уловила запах чернил на его пальцах.

Каспар с пятью стражниками вывел нас с судна. Нас повели по пирсу к тёмной карете, окутанной тенями раннего рассвета. Внутрь затолкали без церемоний.

Воздух в карете пах чернилами и несвежим табаком. Снаружи она выглядела так же: облупленная краска, треснувшие пыльные окна. Тени скрыли нас. Мы мчались по холму к дворцу, возвышавшемуся над миром.

Я раскачивалась в такт карете, чувствуя тепло тел вокруг. Пот охлаждал кожу, сердце билось, как барабан, уши плохо разбирали звуки. Дыхание стало битвой. Слои мягкой юбки цвета глины липли к ногам. Руки кололо холодом, подмышки взмокли, кожа на голове чесалась от небрежной косы.

Если Каспар считал это «уместным», я не ждала многого от здешних платьев. Мила выглядела под цвет своего зеленоватого платья. Возможно, мы и были в такой ситуации. Её пальцы сжимали моё запястье. Если бы не взгляд отрока, не любопытные и испуганные глаза стражников, не мой страх, я бы вскрикнула или набросилась на неё.

Я подавила порывы Чудовища и позволила Миле держаться за меня. Платье не помогало. Корсет, до этого дня бывший лишь страшной историей, сдавливал рёбра.

Путь в гору был напряжённым и тихим. В карете слышались хриплое дыхание, скрип сидений и урчание моего живота — не от голода, а от страха, сжавшего внутренности. Я попыталась отодвинуть изъеденную молью занавеску, чтобы выглянуть. Каспар отбил мою руку и покачал головой.

С насмешкой я откинулась на сиденье, оглядев скамью напротив. Между Каспаром и дверью сидели два стражника. Чудовище выплеснуло ярость в покалывающие пальцы, пока

я изучала одного — Ведагора.

Желание вырвать его бороду дрожало в руках. Чувство было взаимным. Его губы скривились, когда он встретил мой взгляд.

Я отвела глаза первой. Не из подчинения — я знала своё положение. Оно было плачевным. Новый враг мне не нужен. Одного бога хватало.

Я посмотрела на Каспара, теребившего нитку на рукаве. Из кармана жилета торчал белый конверт с чернильными пятнами в виде ворона. Смешно. В детстве, глядя на облака, я видела этих птиц. Но пятна и правда напоминали мёртвых ворон.

Может, разум шутил. Иногда он так делал — с Владимиром, Купавой, Властимиром. В карете он дразнил невозможным желанием, которое я отбрасывала.

Письмо писали в спешке. Запах чернил, исходивший от Каспара, подтверждал это. Пятна были на его пальцах.

Ужас толкал гадать, о чём письмо. И для кого.

«Мырзек».

«Украла мою силу».

«Готовьте камеру пыток».

Что-то в этом роде.

Мор — один из главных богов пантеона. Его имя должно было выгнать меня из кареты на улицы Азии. Но я цеплялась за надежду, что он убьёт быстро. Может, в нём есть капля порядочности, чтобы избежать пыток тела и души.

Шипение клинка вырвало меня из мыслей. Я посмотрела на Ведагора, но он лениво барабанил пальцами по бедру. Серебро сверкнуло у Каспара. Он держал кинжал цвета кости, украшенный золотыми ракушками и древними письменами.

Его взгляд впился в меня. Мила напряглась, как и все мы.

Каспар указал кинжалом на мои руки.

— Дай руку.

Я посмотрела на стражника рядом, доставшего золотую бутылку размером с мой палец. Его имени я не знала и не хотела знать. Он не отрок — не сиял, не одевался, как они.

— Что ты сделаешь? — прошептала Мила, ошеломлённо глядя на Каспара.

Я вытаращила глаза. Зачем она допрашивает отрока? Поцелуй на берегу ничего не значил. Боги и отроки живут тысячелетиями, их романы мимолётны. Ей он не важен.

Я толкнула её локтем, предупреждая: *Молчи, или мы обе пострадаем.*

Медленно откинув рукав до локтя, я вытянула руку. Пальцы Каспара в перчатке обвили запястье. Отроки, похоже, избегали близкого контакта со мной.

Он поднёс лезвие к коже. Дрожь пробежала по позвоночнику. Мила бросилась вперёд, выбив кинжал. Он упал на носок моего ботинка.

Прежде чем мы с Каспаром шевельнулись, рука Ведагора ударила Милу по лицу. Она хныкнула, ударившись о дверь.

— Какого беса?! — я бросилась на него, вооружённая

лишь Чудовищем.

Ногти впились в его лицо. Каспар оттащил меня, швырнув на сиденье. Кусочки кожи Ведагора остались под моими ногтями.

Он посмотрел так, будто готов был разрубить меня на куски. Его рука потянулась...

— Остановись! — Каспар выставил кинжал между нами. — Хочешь объяснять *ему*, почему она вся в крови?

Ведагор заколебался. Ярость пылала в его глазах, но он молчал, как рыба. Затем опустился на сиденье, не отводя взгляда.

Каспар схватил моё запястье и провёл лезвием по руке. Я вздрогнула. Кровь выступила медленно, затем малиновая струя хлынула вниз.

Стражник прижал бутылку к руке. Кровь заполнила её за секунды. Он закупорил её и передал Каспару. Я прижала руку к груди. Каспар спрятал кинжал и бутылку, протянув носовой платок. С ухмылкой я схватила его и обмотала порез.

В карете воцарилась мёртвая тишина. Даже когда бег лошадей сменился рысью, слышались лишь рыдания Милы и моё сердцебиение.

Мы ехали долго — час, вечность. Но карета остановилась. Каспар распахнул дверь. Я ждала холодного ветра, но тёплый бриз, как от печи, коснулся кожи.

Лицо Каспара не отражало тепла. Он нахмурился, выпрыгнув наружу, и передал конверт слуге в алых доспехах.

Слуга исчез, а Каспар повернулся к нам.

— Если мне придётся вытаскивать тебя, тебе не понравится, — бросил он, глядя на меня.

Дворец вблизи поражал. Карета стояла у мощёной дорожки, огибавшей фонтан с бело-голубой водой. Ночные фиолетовые пятна окрашивали деревья вдоль тропы. Между ними белел мрамор беседок с арочными сводами.

Дворец возвышался напротив. Я думала, звёздная пыль — слухи. На судне я поняла ошибку. Теперь, стоя перед ним, я задохнулась от благоговения. Полуночная синева, усыпанная серебром, хранила тайны. Оранжевый свет лился из окон, изогнутых золотыми арками. Это был лишь вход. Выше громоздились этажи, пока дворец не утонул в облаках.

Я сглотнула. Без встречи со смертью я бы назвала дворец романтичным. Даже фиолетово-синие облака казались нарисованными над домом богов. Может, так и было.

Это было красиво и ужасно. Только боги могли жить в таком великолепии. Напоминание ударило в живот.

Каспар шёл по тропе. Ведагор дышал мне в спину, пахло фруктами. Я бросила на него взгляд. Его угрюмость напрягла мои плечи. Я нашла Милу — она пряталась между Ведагором и стражником, маленькая, как мышь. Её щека багровела.

Кровь закипела. Даже фонтан не отвлёк от ярости. Ведагор ударил её так, что кровь запеклась в уголке рта, а на лице рос синяк.

Я вспомнила следы, оставленные на его лице. Пальцы коснулись платка на порезе. Боль исказила лицо, я прижала руку к груди.

У мраморных ступеней Каспар не оглянулся. Он взошёл, будто хозяин. Двери распахнулись. Слуги в штанах цвета кости, рубашках и жилетах держали их. Их лица были каменными, когда мы шли за Каспаром. Я поняла, что мы внутри, только по стуку закрывшихся дверей из звёздной пыли.

— Ждите здесь, — бросил Каспар.

Ведагор схватил мою руку, притянув ближе. Я споткнулась о подол юбки. Его рука удержала меня от падения.

Чтобы отвлечься от страха, я огляделась. Жемчужные балконы нависали над мраморным полом. Колонны, изогнутые, как старые деревья, поддерживали их. Двери вдоль стен скрывались за бархатом или серебристыми портъерами. Одна, кожаная, между бронированными статуями, вызвала дрожь. Из чего эта кожа? Что за ней?

Напротив возвышалась лестница с красным ковром, от вида которой я устала.

Каспар вернулся. Его лицо, суровое и далёкое, было направлено на меня.

— Следуй за мной.

Пальцы Ведагора соскользнули. Его глаза сузились. Он кивнул: *Иди*. Взглянув на заплаканную Милу, я пошла за Каспаром по лестнице.

Коридор тянулся бесконечно. Свет лился из арочных

окон, выходявших в зелёный двор. Я зачаровалась: романтические скамьи в фиолетовых розах, бани, где поместилась бы моя деревня, голубые деревья, розовые кролики среди белых кустов.

Очарование прервала группа людей. Четверо мужчин не смотрели на нас. Двое — отроки, в серых пальто и серебряных сапогах. Двое других, почти голые, в серых штанах, тихо плакали, опустив головы.

Я вытянула шею, разглядывая, что у отроков в руках. Губы сжались. Это были деревянные карточки, как игральные, но не с богами или цифрами. Тошнота подкатила к горлу.

Отроки торговали людьми. На карточках — точные портреты плачущих мужчин, и портреты двигались, как живые. Карточки переходили из рук в руки. Отроки обменивали слуг и прихожан, посвятивших жизнь богам, как посуду или ткань.

Глаза жгло слезами. Смешно плакать о незнакомцах, но я поняла, что это значит для меня. Если отроки так легко торгуют преданными, что сделает со мной бог? Незнакомец.

Захочет ли он вернуть силу Каспару? Он сказал: *«Твоя подруга хранит мою силу. Я хочу её назад»*. Но хочет ли этого бог? Он может разгневаться на Каспара и убить меня раньше. Боги — чудовища. Я знала их лучше, чем себя.

Каспар вошёл в красную дверь между фонтанами. Тёплый коридор пах мёдом. Я не замечала, как замёрзла, пока тепло не обняло меня. Но тревога звенела. Это ловушка. В дворце

нет безопасности.

Каспар резко остановился. Я едва не врезалась в него, схватившись за колонну. Его лицо застыло жестоко.

— После тебя, — он указал на алые занавески за колонной.

Они казались запятнанными кровью.

— Э... — рука соскользнула с колонны.

Я покачала головой, но Каспар прижал меня к себе. В миг мои руки оказались прижаты, а тело взлетело. Он перекинул меня через плечо, как мешок. Страх парализовал. Каспар отдёргнул занавески и вошёл.

После изнурительных дней меня бросили на плюшевый диван в золотой комнате. Каспар вышел. Ждал ли он в коридоре или вернулся к Миле и Ведагору?

Я подумала о Миле. Мучил ли её Ведагор? Ударил ли снова? Но я не могла думать об этом.

Я не расслабилась, несмотря на мерцание бархата и тепло огня. Передо мной у камина стоял мужчина с хрустальным стаканом, полным крови. Алый мундир, сшитый серебром, тёмные волосы — демонстрация силы. Чёрные бриджи, серебряные ботинки. Его власть душила, даже если бы он был наг.

Он смотрел в огонь, будто меня не бросили на диван. Я поняла сразу.

Передо мной был Бог Мор.

Глава 6

Ногти впились в мягкий вельвет дивана. Я задержала дыхание и застыла, словно добыча перед хищником. Я в присутствии бога.

Мор стоял у камина, и я ждала, когда он обернётся, встретится со мной взглядом и наполнит моё тело ядом — тем самым зельем, о котором шептались в легендах. Говорили, оно окрашивало кожу в чёрно-синий, гниющий цвет, прежде чем тело испускало последний вздох. От этой мысли пальцы ног сжались в ботинках, а в груди вспыхнуло желание бежать — к ночному горшку или прочь из дворца, всё равно. Но бежать было некуда.

Я была пятном на свежеебитом диване — незаметным, пока не решат его стереть. Дрожь охватила меня, но не от холода. Пламя камина на другом конце комнаты лизало мою бледную кожу, но страх был сильнее жара. Так чувствовали себя смертные перед палачом? «Пожалуйста...» — слова едва не сорвались с губ, но я стиснула зубы, удерживая их внутри. Умолять бога о милосердии, которого у него нет, было бы роковой ошибкой.

Мор шевельнулся. Простое движение — он поднёс к губам хрустальный бокал — захватило всё моё существо. Я услышала тихий глоток, а затем почувствовала. Гул пульсировал в венах, голова закружилась, будто он пил мою кровь.

Резко вдохнув, я взглянула на запястье, где сочилась свежая рана. Носовой платок, должно быть, соскользнул, когда Каспар втащил меня сюда, как мешок зерна. Я перевела взгляд на бокал в руке бога. Моя кровь. Он смаковал её, словно выдержанное вино.

Почему?

Но вопросы задавали боги, а не смертные, созданные от скуки и пока не уничтоженные. Мор швырнул бокал в огонь. Кристалл разлетелся с оглушительным звоном, и я вздрогнула, съёжившись. Пламя вспыхнуло яростно-красным и обжигающе-синим, а мои вены заледенели.

Он не взглянул на меня, но его голос пригвоздил к месту.
— Значит, ты украла силу моего отрока?

Ледяной тон скрывал утомлённое любопытство и древние, потусторонние акценты. Казалось, он видел меня в танцующем пламени. Я открыла рот, но ответ застрял в горле. Мор оборвал меня, не дав выдавить жалкую чушь.

— Это не вопрос. Ты забрала силу у моего отрока. Силу, которая тебе не принадлежит. Когда ты крадёшь у того, кто мой, ты крадёшь у меня.

Я сжалась ещё сильнее, словно могла раствориться в диване. И тогда он повернулся.

Желудок перевернулся. Я ожидала чего угодно, но не этого.

Мор улыбнулся, обнажив острые зубы, испачканные моей кровью. Его тёмные волосы, сияющие неземным блеском,

падали на лоб. Моя тусклая шевелюра казалась грязной тенью рядом с его прядями, будто сотканными из магии. Кожа светилась ярче, чем у любого отрока, словно её целовало солнце. Он теребил серьгу в форме павлиньего хвоста. Алый мундир, расшитый серебряными нитями падающих звёзд, блестел, а чёрная шёлковая рубашка под ним, расстёгнутая и растрёпанная, обнажала мускулистую грудь. Он выглядел так, будто провёл год в драках и страстных объятиях, прежде чем явиться ко мне.

Но его глаза... Цвета луны, бледнее серебряных нитей мундира, они сияли без тени доброты. В них таилась интрига, опаснее, чем я могла представить. Улыбка сменилась ухмылкой, и мои кости заныли от холода страха. Эти глаза были чужеродными, словно нарисованными на скульптуре из разбитых грёз и кровоточащих сердец. Он был красотой и смертным грехом.

Я опустила взгляд и склонилась в поклоне, согнувшись на диване. Мне следовало пасть к его ногам, но я чувствовала, что он хочет, чтобы я оставалась на месте. Мои плечи дрожали в такт губам.

— Ты съеживаешься, как смертная, — протянул он, и его взгляд обжёг мою спину. — Выглядишь, как смертная. Бледная кожа, тусклые волосы, безжизненные глаза. Но на вкус... ты не смертная.

Я нахмурилась, глядя на богатый ковёр. Вкус. Он говорил о моей крови. Вкус, который ему не понравился, раз он

швырнул бокал в огонь. Это должно было принести облегчение — он не станет пить меня до дна. Но вместо этого я ощутила укол обиды. Даже в страхе перед смертью я жаждала одобрения бога. Глупо.

Мор шагнул ко мне. Звук серебряного ботинка по ковру пробрал холодом.

— Ты не бог, — сказал он. — Не отрок. Но украла силу. Мою силу.

Он подошёл ближе, ботинки сверкали, как лезвия. Я вцепилась в юбку, пропитанную солью моря и кровью. Одно неверное слово, вздох или взгляд — и моя голова покатится по ковру.

— Как ты это сделала? — его голос резал острее пиратского клинка.

Ногти впились в ладони, но я подняла взгляд — и тут же пожалела. Лунные глаза бушевали, как волны, разбивающиеся о скалы. Я смотрела в пропасть абсолютного зла. Бога, чьё имя внушало ужас. Искра надежды, глупо теплившаяся во мне, угасла.

— Я... — зубы прикусили губу, и кровь потекла по подбородку. Смелость покинула меня, уплыв по ветру где-то на судне.

Боги зла были самыми беспощадными. Они сеяли смерть, оставляя за собой пустые острова и города, затерянные в памяти. Их создания, как Каспар, ценились дороже звёздной пыли. Я сглотнула слёзы, чувствуя их жар на щеках.

— Я... не знаю, — выдавила я, вздрагивая. — Это просто... произошло. Я не знаю как.

Мор изучал меня, и каждый щелчок огромных часов на стене отдавался в груди. Тик. Тик. Тик. Его рука в перчатке медленно потянулась ко мне, словно он смаковал мой страх. Острые серебряные когти на кончиках пальцев блестяли. Я затаила дыхание, когда он коснулся моего подбородка. Удивительно, но прикосновение было нежным. Затем коготь скользнул по коже, опускаясь к горлу медленнее, чем тиканье часов.

— Я могу разорвать тебе глотку, — прошептал он, и его голос был полон угроз и пролитой крови. — Могу убить тебя тысячей способов, где бы ты ни была.

Коготь вонзился глубже. Кровь потекла по груди, и я подавила всхлип.

— А теперь расскажи всё.

Я не хотела умирать. Но Мор не заботился о моих желаниях. Его когти проливали мою кровь, и я подчинилась. Слова хлынули потоком. Я рассказала, как мама впервые поняла, что я отличаюсь. Это было на берегу, когда я играла с детьми пирата в воде по щиколотки. Мы столкнулись, и сила перетекла. Мама заставила их молчать ракушками и монетами. Но во второй раз... она умерла, защищая мою тайну.

Я поведала об отце, которого никогда не знала, о том, как избегала касаться людей голыми руками, чтобы остаться незамеченной. Если касалась, то вдали от чужих глаз и по

одному. Затем я рассказала о полуночной вечернице.

Скоро я рыдала, потерянная в страхе, едва замечая, как Мор прижал хрустальную бутылку к моей ключице, собирая кровь. Слова иссякли, лицо исказилось, и я обняла себя, пытаясь унять рыдания.

— Довольно, — скучаяще бросил Мор, повернувшись спиной.

Пробка бутылки хлопнула, и он поставил её на столик у камина.

— Каспар.

Его зов был едва слышен, но Каспар возник из-за занавесок, словно ждал в коридоре.

— Приведи другую, — приказал Мор.

Занавески зашуршали, и Каспар исчез. Я подавила два всхлипа, прежде чем он вернулся, толкнув Милу в комнату. Она, должно быть, ждала за дверью, возможно, слышала мои рыдания. Её глаза, красные и опухшие, смотрели отрешённо, будто она утопала в отчаянии.

Мор, всё ещё стоя спиной, вытащил носовой платок и начал счищать мою кровь с когтя.

— Верни то, что украла.

Простой приказ. Чем быстрее я подчинюсь, тем легче будет смерть. Но я не знала как. Трижды я крала силу: от мальчика к другому, от матроса к маме, от Каспара к Миле. Возвращать не приходилось. Это казалось невозможным. «Как?» — слово застряло в горле. Произнести его означало

подписать смертный приговор — нас либо скормят морским тварям, либо отравят зельем Мора.

Мила дрожала сильнее, чем ветка в бурю. Её пальцы сжались на животе, и она посмотрела на меня. Я должна была извиниться, хотя бы взглядом. Но страх сиял в моих слезах, и я сказала ей глазами: «Это конец».

Каспар снял перчатку, медленно, палец за пальцем, не отрывая от меня сурового взгляда. Затем протянул руку. Я взглянула на Мора — и пожалела. Его кварцевые глаза, острые, как кинжалы, обещали смерть. Я глубоко вдохнула, корсет протестующе затрещал, и протянула руки. Мила вцепилась в мои пальцы так, что я вздрогнула. Каспар коснулся второй руки мягче.

Закрыв глаза, я попыталась заглушить волну энергии. Сила Каспара толкалась, как всегда, стремясь к Миле — к тому, кто не обладал магией. Как изменить это? Нужно было вернуть силу ему. Напряжение сдавило череп, ослабило колени.

— Сконцентрируйся, — ледяной голос Мора прорезал тишину. — Сосредоточься, будто от этого зависит твоя жизнь.

И это было так. Его намёк лишь усилил панику. Сила Каспара рванулась к Миле.

— Нет... — я направила её обратно, и головокружение накрыло меня.

Я пошатнулась, но не открыла глаз. Нужно было сосредоточиться. Как будто от этого зависела моя жизнь.

Я искала энергию в их руках. Рука Каспара напоминала

цветочный мёд. У Милы — тёплую, чуть влажную булочку. Чем сильнее я концентрировалась, тем яснее ощущала влагу, воду, мёд, рассыпчатое тесто. Облегчение вспыхнуло, но я отогнала его, боясь потерять контроль. Кровь потекла из носа, но я не остановилась. От этого зависели наши жизни.

Я сжала липкую руку Милы.

— Держись, — прохрипела я.

И потянулась. Где-то в разуме я ухватила рыхлую текстуру Милы. Агония взорвалась внутри. Я вскрикнула, упав на колени, но удержала их руки. Стиснув зубы, я вытащила эту текстуру.

— Работает, — голос Каспара дрогнул от волнения.

Я почувствовала шаги Мора за спиной, словно зверь подкрадывался к жертве.

— Больно... — простонала я. Боль была новой. При краже силы её не было, но теперь внутренности горели.

Мор заговорил тихо, почти ласково, но его слова леденили:

— Это сила возвращается туда, где её место. Поверь, боль, которую я причиню, будет хуже, если ты провалишься.

Я сглотнула всхлип, хватка дрогнула, но я собралась. Густая, горячая волна захлестнула меня. Текстура Милы исчезла. Я искала ещё, но боль стала невыносимой. В Миле ничего не осталось. Я отпустила их руки и открыла глаза, согнувшись пополам. Перед глазами плясали белые точки, в ушах жужжало. Кровь залила платье и ковёр.

— Дарина, — голос Милы дрожал от слёз. Она присела и коснулась моей спины. — Ты в порядке?

Я упала на неё, едва держа глаза открытыми.

— В порядке, — выдавила я.

Каждое моргание было как листание книги. Каспар смотрел на свои руки, лёгкая улыбка тронула его губы. Мила прижала меня ближе, поглаживая руку. Каспар склонил голову, отступив. Алый мундир Мора вошёл в поле зрения. Его лунные глаза, полные теней и кинжалов, смотрели на меня.

— Найди им комнату в покоях смертных, — сказал он Каспару, не отрывая от меня непроницаемого взгляда.

Тьма подкрадывалась с краёв.

— Я ещё не закончил с тобой.

Я моргнула. А затем, темнота.

Глава 7

Я очнулась в холодной тёмной комнате. Толстое одеяло, не такое грубое, как на судне, но шершавое, заставило меня выбраться из-под него. Приподнявшись на локтях, я дала глазам привыкнуть к мраку. Тени обрели очертания.

Узкая комната была чужой. Окно напротив закрывала тяжёлая, изъеденная молью занавеска. Рядом стояло медное корыто с поцарапанными краями, придающее комнате холодную пустоту. Рваная бумажная ширма едва скрывала купальню. Я видела корыто так же ясно, как узкую кровать под собой. Рядом стояла ещё одна кровать, а между ними — плесневелый столик. В воздухе витали пыль и запах застоявшейся похлёбки, но в груди расцвела надежда. Эта комната была больше, чем всё, что у меня когда-либо было. И я была жива.

Но голос Мора эхом отозвался в голове: «Я ещё не закончил с тобой». Надежда увяла, лепестки осыпались в желудок, превратившись в свинец. Что ещё он мог от меня хотеть? Ничего хорошего.

Я не доверяла отрокам, тем более богу. Моё Чудовище знало жестокость лучше меня. Иногда оно питало мой голод, тянуло во тьму. Я отогнала эти мысли, протирая глаза. Сон звал обратно на скрипучую кровать, но я заставила себя встать, расправив плечи.

— Ты проснулась? — раздался усталый голос.

— Мила? — я собрала силы.

— Дарина!

Дверь, скрытая в тёмном углу, распахнулась. Поток духов на миг заглушил затхлый запах. Мила стояла в проёме, её лицо смягчилось от облегчения, но глаза наполняла печаль. Она шагнула ко мне, и её сильные руки обняли меня.

Я не любила объятия. Мила знала это и уважала. Но сейчас она, должно быть, боялась за меня, пока я была без сознания. Я не ответила, руки остались прижатыми к бокам.

— Я думала, ты не проснёшься, — её голос заглушали мои невымытые волосы. Слезы дрожали в её словах. — Я пыталась тебя разбудить, Дарина. Ты спала целую вечность...

— Ладно, ладно, — пробормотала я, вырываясь. — Я тоже рада тебя видеть.

Она бросила испепеляющий взгляд, но отпустила и отступила. Я выдержала бы любой взгляд, лишь бы избежать новых объятий.

— Вечность? — переспросила я, глядя на кровать. Усталые кости молили вернуться в постель. — Сколько это в реальном времени?

— Три дня.

Её пальцы дёрнулись, будто она снова хотела меня обнять. Я упала на изножье кровати, вне её досягаемости, и посмотрела с усталостью, что сковывала тело.

Мила села на свою кровать, наши колени почти соприка-

сались.

— Расскажешь, что происходит? — спросила она. — Почему мы здесь? Почему живы? Что за дверью?

— Ночные горшки за дверью, — ровным голосом ответила она, но тут же добавила: — И да, я имела в виду всё. Почему мы живы, почему в этой комнате, а не под мечом палача?

— Я спала три дня, как ты сказала, — пожала я плечами, веки тяжелели. — Откуда мне знать?

Я не была уверена, хочу ли знать.

— Никто ничего не говорит, — фыркнула она.

— Кто приходил? — спросила я, борясь с темнотой, что тянула в сон.

— Служанка дважды в день опорожняет горшки. Другая, побогаче, проверяла тебя, когда приносили еду.

— Каспар?

— Не видела его с тех пор, как он принёс тебя и потащил меня сюда.

— Ублюдки, — пробормотала я. — Все они.

Мила вяло кивнула, в её глазах застыло уныние. Тишина повисла между нами, тяжёлая и жуткая. Мила нарушила её:

— Это тот момент, где мы даём друг другу надежду. Составляем план побега.

Моё лицо потемнело. Надежды не было — я видела это в отражении пыльной вазы на столе. Мои фиолетовые глаза казались серыми, как всё вокруг. Побег был невозможен.

— Есть идеи? — спросила я, чтобы поддеть её.

Мила молчала. Со вздохом поражения я поднялась и подошла к занавеске. Она оказалась тяжелее, чем я ожидала. Вид из грязного окна разочаровал: костяной холм, в который был врезан дворец, и узкая щель, где пролетали вороны.

— Мы в ловушке, — отчаяние сдавило грудь. Пальцы скользнули по занавеске, рука повисла. — Между дверью и сплошной стеной холма.

— Дверь тоже заперта, — пробормотала Мила.

— Будь всё проклято, — выдохнула я.

Я отвернулась от окна, радуясь лишь уединению ночных горшков. Дома мы делили горшок в главной комнате, если было слишком темно или сыро идти в сад. Я потащилась к двери, желая спрятаться в чулане. Не для горшка — для слёз.

Я провела там достаточно времени. Когда слёзы иссякли, я вернулась и увидела двух служанок. Одна наполняла корыто, другая оставила у кровати стопку белых коробок, перевязанных красными лентами. Мила слонялась рядом, её рыжие кудри были покрыты грязью и кровью. Ей, как и мне, нужно было больше, чем купание, чтобы смыть боль.

Мы переглянулись. Мои глаза выражали подозрение, её — ответ.

— Идолопоклонники, — прошептала она.

Идолопоклонники — смертные, добровольно служившие во дворце. Я знала о них мало, но видела их монотонность. Служанки не сказали ни слова и не подняли глаз. Заперев дверь, они ушли.

Мила не дала мне спорить о том, кто моется первой. Она забралась в корыто, скинув платье. Я скривилась, бросив язвительный взгляд. Кровь была на моём лице, а у неё — лишь в волосах.

Вздыхнув, я обратилась к коробкам. На верхней лежала записка с подписью: «Бог Мор». Сняв ленты, я подумала о замужестве, обязательстве, доступности. Осторожно открыла коробку, ожидая брызг яда. Ничего. Внутри, под слоем белых и красных лепестков роз, лежали ботинки.

— Что там? — спросила Мила.

— Ботинки, — угол рта опустился. — И лепестки роз.

Я вытащила ботинок. Жемчужно-белая кожа ласкала пальцы, алые шнурки с рубинами блестели.

— Этого не может быть, — пробормотала я.

Мила выпрямилась в корыте, нахмурившись.

— Зачем ему присылать ботинки?

Я засунула ботинок обратно и открыла другие коробки. Лепестки разлетелись, как блёстки на вечернице. Во второй лежали фиолетовые чулки и кружевное бельё, мягче всего, что я трогала. Последняя коробка, шире кровати, заставила затаить дыхание. Я не осмелилась коснуться содержимого грязными руками.

Чёрная накидка с серебряной нитью, короткая, с длинными рукавами. Под ней — тёмно-сиреневое платье с корсетом, разрезающим талию. Юбка без подюбника, из слоёв плотной и прозрачной ткани, открывала ногу до бедра. Щё-

ки запылали. Даже танцевальные наряды не обнажали столько кожи.

Я подняла коробку, показывая Миле.

— Зачем? — только и сказала она.

Точно. Зачем одевать меня в роскошь, если он всё равно меня убьёт? «Я ещё не закончил с тобой». Время близилось, и моя кровь украсит эти наряды.

Мила погрузилась в воду.

— Пустая трата.

Её честность, резкая и прямая, была причиной нашей дружбы. Мало кто на Малой Муксалме выносил меня, даже семья. Наша дружба была натянутой, но Мила никогда не выдавала мою тайну. Я рассказала ей о смерти мамы и своей вине, и она молчала. За это она была здесь, обречённая моим проклятием.

Когда Мила закончила, вода остыла. Я быстро умылась, холодная вода вызвала мурашки. Мытьё в чужой грязи не казалось чистым. Служанки принесли ужин — рисовую кашу и свинину. Мясо, незнакомое мне, стало любимым. На острове мы ели рыбу, птицу, грибы, ягоды и импортную пшеницу. Свинина была открытием.

Мила уснула, оставив меня в тёмной комнате. Я перебирала коробки, перечитывала записку Мора, смотрела на ворон за окном. Усталость сковала тело, но сон не шёл. Я ворочалась, слушая храп Милы, ожидая, что Каспар или Ведагор ворвутся и убьют меня.

Когда усталость одолела, дверь распахнулась. Три служанки вошли, чтобы разбудить меня.

Глава 8

Служанки заставили меня принять дары Мора — колючую верёвку на шее. После уговоров Каспара об уместной одежде я чувствовала себя уязвимее, чем когда-либо, шагая за двумя молчаливыми стражниками. Их плетёные доспехи поверх простой одежды выдавали в них смертных. Моя прозрачная юбка развевалась, обнажая ногу до бедра, прикрытую лишь сиреневым чулком. Я не пыталась прикрыться, слишком занятая подолом накидки, что едва прикрывала декольте.

Платье было великолепным, но на мне — неправильным. Волосы, зачёсанные в пряди, падали на спину. Мне следовало заплести косу, как подобает заключённой и незамужней девушке, но выбора не было. Плюнуть на дары Мора и надеть лохмотья с судна? Это не сулило ничего хорошего.

Мы прошли центральный зал и узкие коридоры. Я заметила отроков с коллекционными карточками и шёпот из-за колонн. Через полчаса я поняла, что ботинки Мора — из облаков и перьев. Мои ноги не болели.

Стражники оставили меня у кремовых дверей в конце зала, вдали от покоев смертных. Одна дверь была приоткрыта, из щели лился бледный свет. Я толкнула её, и вспышка света залила зал, будто в комнате жило солнце.

Зал был потрясающим. Арочный потолок взмывал выше

парусов судна. Вся столица Азии могла уместиться здесь дважды. Колонны из мрамора, украшенные бриллиантами и золотыми лентами, вырастали из пола. Стены покрывали портреты богов в рамах из цветных кристаллов. Под ними — столы и святыни. Это была комната поклонения.

Я обошла ближайшую стену, изучая портреты. Некоторые богов я узнала по табличкам мамы с легендами и набросками. Здесь изображения были точнее и двигались, как карточки отроков. Богиня Макошь в золотом рогатом уборе смотрела резко. Она была хозяйкой перехода в Иной мир. Я поспешила к следующей.

Богиня Лада, любовь и плодородие, окружённая свечами и подношениями. Богиня Мания улыбнулась, и сердце заколотилось от безумных мыслей. Её портрет внушал страх — она доводила до гибели души. Даже боги боялись её. Я задрожала и шагнула к следующему.

Белобог. Отец отцов. Прабог, даровавший жизнь. Его добрые глаза и жестокая улыбка вызвали благоговение. Я вытаскивала жемчужину из браслета и опустила на колени, положив её на переполненную святыню. Портрет склонил голову, благодаря. Если существовал бог добродетели, это был он.

Некоторые портреты игнорировали, другие пугали или насмехались. Я шла, избегая злых богов, пока не нашла его. Мор. Он смотрел сверху вниз, будто ждал меня. Его лицо выражало лёгкое любопытство, зияющую бездну вечности. Святыня пестрела подношениями: алые яблоки, драгоценно-

сти, одежда, пряди волос. Свечи мерцали малиновым и чёрным. Его дары были обильнее многих, но рядом один портрет был пуст. Обожжённое лицо, выцветшие края рамы. Ни свечей, ни подношений.

— Призрак, — слово сорвалось с языка.

Запретное имя. Преступление, караемое смертью в костре над горами богов.

— Предатель, — раздался шёлковый голос за спиной.

Я обернулась, насторожившись. Каспар. Но он не держал цепей, его взгляд не был угрожающим. Он приближался, глядя на обгоревший портрет.

— Бог, которого забудут, — сказал он. — Но у тебя есть дела поважнее затерянных историй.

Его взгляд стал резким. Он жестом велел следовать. Я пошла, чувствуя, как кожа покалывает от осторожности.

В центре зала стоял гранитный стол с предметами, не вписывающимися в поклонение: ожерелье с зелёным камнем, порошок в чаше, кинжалы с потёртыми рукоятками. Усталость измотала меня.

— Что ещё от меня нужно? — спросила я. — Я вернула твою силу. Рассказала Мору всё. Чего ты хочешь?

Каспар остановился у стола, не отвечая. Его рука в перчатке зависла над ожерельем.

— Мырзека, как ты, ждёт две судьбы, — сказал он. — Смерть или... содержание. — Слово прозвучало осторожно. Паника сжала грудь.

— Содержание? Как птицу в клетке?

Он молчал, обходя стол. Всё обрело смысл: подарки, комната, служанки, то, что я жива. Пока жива.

— Что я могу для него сделать? — слова вырвались шёпотом. Паника вспыхнула. — Неужели я... отр...?

Я не могла спросить. Это было нелепо, высокомерно. Каспар уловил мысль.

— Отрок? — его насмешливая улыбка заставила щёки запылать. — Нет. Отроки рождаются из части создателя, высоко над луной, неся их душу.

Может, поэтому отроков мало. Сила богов ограничена, как жизнь матери, рождающей детей.

— Отроки — дети богов, — продолжил он, теребя рукопись. — Ты рождена смертной. Ты не отрок.

Я сглотнула, ломая пальцы.

— Тогда кто я?

— Я сказал. Ты, Дарина, мырзек.

Мерзость. Сердце сжалось. Я не приблизилась к разгадке.

Разочарование накрыло, плечи опустились, как у брошенной марионетки. Каспар отложил рукопись.

— Мы здесь не для твоих вопросов. Сегодня ты будешь обучаться.

— Обучаться? — лицо сморщилось.

— Дрессированные животные живут дольше, — мрачно сказал он.

Я побледнела. Он толкнул через стол ожерелье и кольцо.

— Начнём.

«Обучение» оказалось расплывчатым. Каспар велел держать рукопись и ожерелье и «делать то, что делаю». Никаких объяснений. Я швырнула предметы на стол, запустив пальцы в волосы.

— Как я должна знать, что делать, если ты ничего не говоришь?! У меня нет опыта!

Чудовище рвалось наружу. Я закрыла глаза, успокаиваясь. Контроль слабел с каждым разом.

— Ещё раз, — резко приказал Каспар.

— Попробовать что? — прорычала я. — Держать этот хлам ещё часы?

— Делай, что делаешь, — прошипел он, и его глаза сверкнули янтарём.

— Ладно, — мужество испарилось, голос стал писком.

Я схватила рукопись. Вспомнила: сила Каспара ощущалась как мёд. В Миле — как влажная булочка. Коридор к гостиной Мора пах мёдом. Я вдохнула и кивнула себе. Я могу. Наверное. Закрыв глаза, я потянулась к рукописи. Не мёд. Чернила, смерть, пыль времени. Бесполезно.

Я бросила рукопись, встретив взгляд Каспара.

— Я чувствую силу, но она тёмная. Слишком тёмная, чтобы разглядеть.

Объяснять было утомительно. Чудовище жаждало ударить его. Но я уловила движение у входа. Мор. Его жестокий взгляд заморозил кости. Он скользнул глазами по моему на-

ряду, затем впился в лицо.

— Слабая.

Одно слово разорвало меня. Слезы защипали глаза, я опустила взгляд. Он ушёл, сапоги стукнули по мрамору. Портреты замерли. Каспар заговорил тихо:

— Некоторые никогда не получают одобрения, но ищут его всю жизнь. Это наша движущая сила. Помни, кто они. Не родители, не возлюбленные. Из всех творений они меньше всего заботятся о смертных.

Глава 9

Служанки, врывавшиеся с тележками, нагруженными завтраком и свежими ночными горшками, всё ещё выбивали меня из колеи. Дома я вставала с первыми лучами солнца, глотала недоваренную кашу и запивала её жидким чаем с едва уловимым ароматом, прежде чем бросаться к делам. Здесь всё делали за меня.

Этим утром горничные настояли, чтобы я мылась первой. Мила, надувшись, сидела на своей кровати, пока старшая служанка втирала в мои волосы мыльную жидкость с запахом лаванды и мёда. Ощущение было восхитительным. Не стану лгать: быть пленницей бога, возможно, не так уж плохо. По крайней мере, пока.

Когда я вытерлась и накинула мягкий халат, Мила заняла моё место в остывшей ванне. Никто не мыл ей волосы. Служанка молча повела меня к кровати, где возвышалась новая стопка коробок, перевязанных алыми лентами.

— Ещё платья? — устало спросила я, взглянув на старшую служанку у двери.

Она не ответила, опустив глаза в грубый красный ковёр, будто он скрывал тайны дворца. Я опустилась на колени перед коробками, подавляя желание тут же их распотрошить. Слишком много чужих глаз следило за мной, и я не хотела, чтобы слухи о моём нетерпении дошли до Мора. Успокоив

дрожащую руку, я потянулась к конверту, засунутому под алую ленту верхней коробки. Моё имя было выведено изящным курсивом бордовыми чернилами, похожими на запёкшуюся кровь. Я поднесла конверт к носу, проверяя.

Чернила. Определённо.

Разорвав алую печать с клеймом Мора, я нашла два письма. Первое было кратким:

«Здесь ты должна носить защиту».

Я нахмурилась, перечитав строки. Смысл не прояснился. Взгляд скользнул к маленькой коробочке, с которой пришёл конверт. Откинув крышку, я вздрогнула: обесцвеченные лепестки роз хлынули на пол, один попал в рот. Выплюнув его, я заглянула внутрь. Пара перчаток цвета слоновой кости, тонких, как вторая кожа. Пробормотав что-то невнятное, я отбросила первое письмо и решила вскрыть остальные коробки, пока служанки не ушли. Они уберут лепестки и аккуратно сложат подарки в ветхий шкаф в углу.

Так я себя убеждала.

Новые коробки оказались тяжелее. Чем глубже я копалась, тем больше находила: платья, кружевное бельё, чулки, сапоги. А ещё — брюки до щиколоток: чёрные, пепельно-серые и белее морской пены. Блузки, пальто — всё в чёрно-красной гамме Мора. Но настоящие сокровища ждали в самой громоздкой коробке на дне.

Хлопковые одеяла, пуховые покрывала, мягкие подушки, на которых можно утопить голову. Достаточно, чтобы поде-

литься с Милой. Я была довольна. Для пленницы я получала слишком много. Даже Чудовище внутри мурлыкало, умиротворённое дарами. Странно, но подарки, кажется, укрощали его.

Жаль, что я прочла второе письмо. Лучше бы я отложила его, насладившись коробками, прежде чем слова Мора отравили настроение:

«Каспар передал мне твою просьбу. Дверь твоих покоев останется незапертой. Твоя подруга может бродить по коридорам смертных, но ни шагу дальше. Поскольку это твоя просьба, ты несёшь за неё полную ответственность. Не заставляй меня сожалеть об этом, Дарина. Это будет роковой ошибкой».

Свинцовый комок рухнул в желудок. Я оглянулась на Милу, плещущуюся в ванне. Если она натворит глупостей, расплачиваться придётся мне.

Незапертая дверь была благом для Милы — она уже ушла бродить по коридорам смертных. Но для меня это означало новые испытания. Утром стражники не явились, чтобы сопроводить меня в зал поклонения на очередную тренировку. Вместо них служанка принесла записку: «Надеюсь, ты помнишь дорогу». Почерк был резким, с кривыми линиями — не Мора, а Каспара. Я представила, как он ждёт меня среди угрюмых портретов, постукивая сапогом от нетерпения.

Найти центральный зал оказалось сложнее, чем я думала. Трижды свернув не туда, я возвращалась, пока наконец не

вышла к знакомым колоннам. Но дальше путь запутал меня окончательно.

Я оказалась в заброшенном коридоре, пропитанном затхлостью. Чёрные стены, покрытые паутиной, хранили следы былой роскоши. Пыльные комки прятались под истлевшими шёлковыми портъерами, некогда тёмными, как ночь. Грязные окна не пропускали света, и воздух пах плесенью и забвением. Разум подсказывал развернуться, но что-то тянуло вперёд — неясное, как шёпот в костях. Чудовище ожило, почуяв родство с этой пустотой. Коридор был домом и одиночеством одновременно.

Пощипывая край перчатки, я двинулась к чёрной статуе, маячившей в тенях. Я уже опоздала к Каспару, но ноги не слушались. Здесь страхи — смерть, боль, угроза Мора — растворялись в пыли. Волна свободы захлестнула меня. Я хотела остаться в этом заброшенном месте навсегда.

Что манило меня? Тени, обвивавшие, как любовники? Тьма, больная пустотой? Пыльный воздух, от которого щипало глаза? Уйти казалось предательством — в сердце зияла дыра, которую могли заполнить только эти грязные стены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.